

вательность --[роков]---[л]ѣ, при этом во фрагменте *роков* все буквы определяются с полной уверенностью. Это делает вероятной реконструкцию: (N со)[роков](ѣ вѣа)[лѣ]. Сороками, по-видимому, могла измеряться рыба; об этом косвенно свидетельствует контекст из грамоты 1585 г. Вяжицкого монастыря: *оброчные поледные Ладожские рыбы шесть сотъ сорокъ сиговъ, шесть сотъ сорокъ лодогъ, шесть сотъ сорокъ сыртей* (Анкудинов 2013а: 62, № 53) — хотя «сорок» как единица измерения здесь отсутствует, число 640 не только заканчивается на 40, но и кратно сорока. В таком случае указание числа сороков могло служить пояснением к определению количества рыбы, выраженному в местных единицах — лендомах (см. о них: Хелимский 1986: 252–253).

№ 251 (70-е–90-е гг. XIV в.; Г 87) [ГЗ]. В приписанной строчке читается: *по среци на тре[тии] днь*.

После *грамоту бесудную Оедорцю* читается не *ла* |..., а *на* | н... (очевидно, *на него*).

Между второй и третьей строкой над буквой *м* в *моту* надписано *т*. Возможно, писавший сперва хотел написать *грамоту* сокращенно.

№ 252 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 87) [Г]. После *поѣдѣмъ в городъ* в последней строке оборота грамоты по новому снимку читается *к[у]н[у]-ок---ъ*, что, с учетом сохранившихся частей букв, допускает, как кажется, единственную реконструкцию: *к[у]н[у]п[ок]ладъ(ше)*. Соответствие данному сочетанию в страдательном залоге представлено в грамоте № 799: *на смолѣ 12 оушькѣ положена коуна*. Возможно, как и в этом документе (см. комментарий к нему), в грамоте № 252 под «положением куны» подразумевается оплата пошлины при подаче иска.

№ 252 [З]. Уместно рассмотреть эту грамоту более полно, чем в ДНД₂, где она приведена без индивидуального разбора. Приводим ее с учетом предложенной выше реконструкции конечной части.

...|---- [снох]у есть у мьнѣ
 ъ убилѣ а живото есть
 у мьнѣ розграбилѣ лѣзни
 ма въ плицѣ

Оборот:

і снохою і своімъ грабѣ
 жѣмъ поѣдѣмъ в го
 родъ к[у]н[у]п[ок]ладъ
 (ше) (...)

Оборван верх лицевой стороны и низ оборота. Таким образом, текст переходит с лицевой стороны на оборот без разрыва.

Как уже было указано в Попр.-VIII, *убилѣ* здесь явно означает не ‘убили’ (как это было переведено в издании), а ‘сильно избили’.

Слово *плищѣ* следует понимать не как топоним (как это было предложено в издании), а как имя нарицательное: ‘крики, гвалт’, ‘смятение’, ‘суматоха’, ‘смута, беспорядки’. В данном случае так, по-видимому, названа суматоха и драка при нападении бродяг на двор автора; т. е. *убилѣ въ плицѣ(ѣ)* значит ‘избили в суматохе (в драке, в побоище)’.

В есть убилѣ и есть розграбилѣ представлено так наз. избыточное *есть* (см. ДНД₂, § 4.21).

Для трудного слова *лѣзни* наиболее вероятной остается интерпретация, предложенная в издании, состоящая в том, что это синоним старобелорусского *лезные люди* ‘праздношатающиеся, не имеющие ни оседлости, ни занятий’.

Но приходится признать, что во фразе *а живото есть у мьнѣ розграбилѣ лѣзни ма въ плицѣ(ѣ)* представлен особый случай «склеивания» разных синтагм: 1) *а живото есть у мьнѣ розграбилѣ*; 2) *розграбилѣ лѣзни ма*

въ *плицѣ*). Можно представить себе дело так, что автор вначале написал *а живото есть у мнь розграбилѣ* — фразу столь же законченную по смыслу, как и *сноху есть у мнь убилѣ*; но потом он решил уточнить, кто и как. Полным выражением для этого было бы: *лѣзни розграбилѣ ма въ плицѣ* (с интонационным выделением слова *лѣзни* и тем самым с ритмико-интонационным барьером после него, в результате чего энклитика *ма* оказалась после глагола). Но в этой фразе слово *розграбилѣ* было простым повторением уже написанного слова, и подразумевалось бы, даже если бы его не было; и автор его опустил, не меняя ничего остального.

Для формы *поедѣмъ* ср.: *атъ поѣдомъ возьмемъ княза* (Ипат. [1175], л. 209).

Перевод: ‘... сноху мою избили и добро мое разграбили — (разграбили) меня бродяги в суматохе (в драке, в побоище). И с делом о снохе и о грабеже поедем в город, положивши куну...’.

№ 270 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [3]. В 1-й строке в *о*кру... начальная буква — широкое очное *о* (а не просто широкое). В конце 2-й строки после *а что земля* имеется еще точка и буква *п*.

№ 274 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 57) [Г]. В первой строке вместо *пошлѣ* следует читать *пошло*. Это уточнение делает наиболее вероятной следующую реконструкцию фразы: *(За Дмитромъ пошло 10 рубльвъ, а браѣ не надоби* (выбор варианта *Дмитромъ*, а не *Петромъ*, обусловлен принадлежностью грамоты к одному блоку с № 275/266, где упоминается *Дмитр*, см. ДНД₂: 604). Следует думать, что перед нами расписка, фиксирующая раздел наследства. Ближайшую аналогию составляет грамота № 198 (посл. треть XIII в.): *Ѡ Сьмьюна. Сь возало есмь у Храра задницю Шибьньцьву, а боль нь надобѣ никому*. Уместность употребления в данном контексте глагола *поити* может быть продемонстрирована приведенным в ДНД (с. 163) примером из Русской Правды: *аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за княза задница не идетъ*. Ср. там же пословицу: *Слава те Господи, день прошол, да за хозяина руб зашол* (Арханг. слов., 11: 27). Использование в нашем тексте конструкции с творительным, а не с винительным падежом объяснимо тем, что ситуация трактуется здесь не как акт передачи денег в собственность, но как констатация уже существующего положения дел. Аналогичным образом в конструкциях с *пошло*, широко представленных в докончаниях Новгорода с князьями, варьируются формы дательного падежа и притяжательных местоимений. Ср.: *А что пошло князю, а то княже; А позже, княже, что твое и твоихъ мужь пошло, то твое и твоихъ мужь* (ГВНП, № 1, с. 10; № 3, с. 12).

№ 276 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 57) [3]. Грамота (от которой сохранились только первые две строки) была в издании прочитана так:

поклоно Ѡ ѡдрѣа со братию ко василию і ко сидру
была жалоба передо вами і попьѣми | ...

Слова *со братию* вынесены над строкой, причем над ними имеется еще дуга (над частью *бра*) — очевидно, знак выноса.

В отрезке *попьѣми* буква *е* — стопроцентно надежная. Никаких шансов на чтение *ы* вместо *ѣе* (которое было предложено в работе Крысько 2000 и от которого сам автор позднее отказался [Крысько 2007: 140]) нет.

Напомним, что предложенное издателями прочтение *попьѣми* как Т. мн. со значением ‘попами’ явно неудовлетворительно (см. об этом Крысько 2000 и 2007). Предположительное чтение ДНД₂ (*попѣ еми...*) наталкивается на отсутствие удовлетворительной конъектуры для *еми...* Все это показывает, что держаться за прочтение *попьѣми* как за единственно возможное, несмотря на его кажущееся правдоподобие, не следует.

Рассмотрим более внимательно интересующий нас отрезок на опубликованной в издании прориси грамоты. Конец второй строки выглядит на этой прориси так:

ПЕРЕ А О В М Н П О Г З Е М Н